

«Камчатка дала нам крылья»

На Камчатку из Москвы прибыли Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР, полковник в отставке В. С. Котлов и заслуженный военный летчик СССР, генерал-майор авиации в отставке Я. Н. Евромеев. Они будут участвовать в празднествах, посвященных 130-летию Петропавловской обороны от англо-французской эскадры и 39-й годовщине победы над милитаристской Японией. Наш корреспондент встретился с ними.

КОРР.: Василий Сергеевич, Яков Николаевич, что для вас значит Камчатка?

В. С. КОТЛОВ: Камчатка — наша боевая юность, наше становление как авиаторов. Она дала нам широкие крылья для сверхдальнего и очень непростого полета, кажим, образно говоря, можно назвать жизнь. В деталях вспоминается сентябрь 1939 года. Именно тогда я увидел впервые крутолобые, заснеженные вулканы, каменные березы и познакомился с камчатцами. На этой далекой земле я становился человеком. И то, что было заложено во мне в те годы, стало стержнем натуры, выручало в сложнейших ситуациях. Потому что Камчатка учит прежде всего стойкости, мужеству, воле, братству. Докажу это на примере.

На Западе уже шла война. Японцы грозились напасть на нас здесь. Мы, естественно, готовились встретить их, как

подобает. В частности, нами, летчиками, до тонкостей отработывались приемы пилотажа в условиях, приближенных к боевым. В одном из полетов я был занят этим. Летел в тумане, ориентировался по приборам, которые, надо заметить, были далеки от совершенства. Короче говоря, крылом зацепил сопку. Потолок у самолета Ут-2 был очень невысоким. Очнулся под обломками. Нестерпимо болела левая нога. Посмотрел на нее, а стопа развернута почти на 180 градусов. Не погибать же из-за этого. Вставил ногу между рычагов и перевернулся с боку на бок. Очнулся, не знаю через сколько, но нога была на месте. Попробовал встать. Больно, но терпимо. Выломал палку, поковыляя через березняк с сопки. Надеялся, что быстро войду на дорогу. А проплутал шесть дней. Питался рябиной, листьями деревьев. И однажды из пистолета подстрелил сороку.

Когда уже полз—идти не мог, меня и нашими сослуживцы. Верили, говорят, что ты жив. Спасибо им говорю и сейчас. Тот урок братства запомнился мне навсегда. С тех пор, пожалуй, и почувствовав, что человек может очень-очень многое, если захочет, соберет волю в кулак. Этот принцип помогал выходить из сложнейших ситуаций и тогда, когда громили японцев в 45-ом, и в мирные дни, когда приходилось испытывать новые марки боевых машин.

Я. Н. ЕВРОМЕЕВ: Полностью солидарен с Василием Сергеевичем по поводу значимости Камчатки для нас в смысле формирования характеров, закалки воли. Добавлю только, что наша служба в те годы на этой необыкновенно экзотической и суровой земле заставляла нас ускоренными темпами осваивать боевые самолеты, технику, быть всегда начеку. Как это получалось, можно судить хотя бы по тому, что с первых часов начала Курильской десантной операции мы, летчики, постоянно атаковали врага. За сутки делали до 6—8 вылетов. Усталости не чув-

ствовали. Лишь горели желанием дать как следует по зубам врагу. Получилось или нет? Можно судить хотя бы по тому, что японцы были разбиты за две недели. Ясно, что не одной авиацией. Но ясно и другое—не без помощи ее.

КОРР.: Почти сорок лет вы не были на Камчатке. Тянуло?

В. С. КОТЛОВ: После Камчатки мне пришлось поменять много мест. Служба есть служба. Но Камчатку помнил всегда.

Я. Н. ЕВРОМЕЕВ: То же самое. Только приехав сюда, несколько разволновался. Покидал эти места полудикими и малообжитыми. А сейчас на том месте, где стояли наши палатки и убогие бараки, прекрасные пяти-, четырехэтажные дома.

КОРР.: Словом, первые впечатления у вас самые приятные. А что бы вы пожелали тем, кто живет на этой суровой земле?

В. С. КОТЛОВ: Высоты в делах и помыслах.

Я. Н. ЕВРОМЕЕВ: Делать все на этой земле с любовью и большой ответственностью.

Расспрашивал гостей
К. ВИКТОРОВ.